

Т.Н. Плохотнюк

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сущность и содержание политики российского и советского государства по отношению к немецкому населению Северного Кавказа, как и в других регионах страны, определялись с учетом того, что оно было связано общим этническим происхождением с мощной европейской державой. Отсутствие основательных и глубоких знаний об этнических особенностях этой категории населения стало причиной зависимости правового положения российских немцев от развития и состояния отношений с Германией.

В годы Первой мировой войны антинемецкая кампания развивалась довольно медленно в масштабах всей страны, а чтобы развернуть ее на Северном Кавказе пришлось приложить немало усилий. В тот период местные власти не просто подтверждали, а упорно настаивали на том, что немецкое население не изменило своего лояльного отношения к российскому государству. И только после настоятельного требования-рекомендации из Центра губернатор и войсковые атаманы вынуждены были искать примеры подтверждения враждебности этнических немцев ко всему русскому, а не найдя таковых, заниматься откровенной подтасовкой фактов¹.

Новая антинемецкая акция 1941 г., обусловленная началом войны Германии против СССР, имела определенное сходство с кампанией периода Первой мировой и все же выявила свои особенности – прежде всего, это беспрецедентность масштабности репрессивного мероприятия и стремительность, с которой оно было организовано и проведено. Выми из представителей национальных меньшинств Северного Кавказа подверглись депортации.

T.N. Plochotnjuk

DIE DEPORTATION VON DEUTSCHEN DES NORDKAUKASUS

Das Wesen und der Inhalt der Politik des russischen und Sowjestaates in Bezug auf die deutsche Bevölkerung des Nordkaukasus und anderen Regionen des Landes wurde unter Berücksichtigung ihrer gemeinsamen ethnischen Abstammung mit dem mächtigen europäischen Staat bestimmt. Das Fehlen von fundierten Kenntnissen über ethnische Besonderheiten dieser Bevölkerungskategorie führte zur Abhängigkeit der Rechtsposition der Russlanddeutschen von der Entwicklung und dem aktuellen Stand der Beziehungen mit Deutschland.

Die antideutsche Kampagne entwickelte sich während des Ersten Weltkrieges im ganzen Land ziemlich langsam und es forderte recht viel Mühe zu deren Entfaltung im Nordkaukasus. Zu diesem Zeitpunkt bestanden die örtlichen Behörden darauf, dass sich das loyale Verhältnis der deutschen Bevölkerung zum russischen Staat nicht geändert hat. Und nur nach einer dringlichen Empfehlung des Zentrums, waren der Gouverneur und die Armeeobersten gezwungen, die Bestätigung der Feindseligkeit von ethnischen Deutschen gegen alles Russische zu suchen, und wenn sie keine fanden, die gefälschte Tatsachen vorzuspiegeln.¹

Die neue antideutsche Aktion im Jahre 1941, die durch den Anfang des Krieges Deutschlands gegen die UdSSR verursacht wurde, hatte eine gewisse Ähnlichkeit mit der Kampagne der Periode des Ersten Weltkrieges und doch zeigte sie ihre Besonderheiten – vor allem die Präzedenzlosigkeit der Großzügigkeit der Repressivmaßnahme und die Schnelligkeit, mit der sie organisiert und durchgeführt wurde. Nach einem knappen Vierteljahrhundert bestimmte der nächste Krieg mit Deutschland als extremer Faktor heftiger Verschlechterung der rechtlichen Stellung

Яков Вебер.
На волжских просторах.
Холст, масло. 69,5x124. 1935.

себе. Остальное, потребное для жизни имущество, мол, выдадут по прибытии на место назначения.

«В нашей «диверсионной группе», вспоминал Гарри Петрович, старшим был дедушка, ему стукнуло 82 года, ну а главой была, конечно, мама. Мне было 14, брату – 11, к тому же брат неизлечимо болел. Они с дедушкой нуждались в постельном режиме, но в битком набитом «телятнике» это было невозможно. Мы с мамой, как могли, облегчали их страдания. Повезли нас на Сталинград, чтобы там переехать Волгу по мосту и дальше следовать в Северный Казахстан. Вскоре на станциях, полустанках и вынужденных стоянках на разъездах из вагонов стали выносить и хоронить в степи умерших. Это были в основном маленькие дети и старики. Из продуктов нам только изредка выдавали хлеб, зато охрана наша была постоянно навеселе.

До Сталинграда мы так и не доехали. На станции Сарепта, где все немецкие дома уже были пустыми, нас выгрузили из наших душных вагонов и отправили к Волге грузиться на баржи, говорили, что мост разбомбили. В баржах было ещё невыносимее, сидели в них, как селёдки в бочке. Особенно тяжело стало, когда из устья Волги вышли в Каспий, на море начался шторм. Кроме морской болезни началась паника из-за пробоины в одной из барж. Прошел слух, что одна баржа уже затонула, и мы тоже тонем. Но шторм, наконец, стих, и вскоре стало известно, что в Гурьев, куда

направлялись баржи, нам почему-то не пробиться, и нас перегрузили на корабль по названию «Жданов». Это был горючевоз, но для нас он сгодился. По пути в Красноводск пришлось скормить рыбам очередных умерших. Из Красноводска долго везли в товарняке через Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. В Омске мы лишились дедушки. Его вынесли из вагона, а поезд тронулся. Похоронили его где-то в братской могиле без гроба, а дома, в Моздоке, остался на чердаке приготовленный им заранее гроб. Дедушка себе изготовил при жизни два гроба, но в первом пришлось похоронить бабушку, которая не дожила до таких преклонных лет. Тогда он сделал второй, но и этот ему не достался.

Наконец нас доставили до места назначения в Северном Казахстане – на станцию Чистовскую. Отсюда через год меня в возрасте 15 лет мобилизовали в трудовую армию. Я попал в город Карпинск Свердловской области. Было среди нас много фронтовиков, воевавших до глубокой осени 41-го. Некоторые в очень высоких чинах. Так они говорили, что на фронте лучше, нет этих мучений, унижений, а если ранят или идешь на верную смерть, так хоть знаешь, за что!».

Впереди у Гарри были долгие годы невзгод в трудовой армии. Спецпоселение, унижения...

Отрывок из повести Виктора Грининаера «Память»

В отличие от немцев Поволжья, выселение которых проводилось в соответствии со специально принятым Указом Президиума Верховного Совета СССР², северокавказские немцы были выселены на основе постановлений Государственного комитета обороны № ГКО–636сс от 6 сентября 1941 г. «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и Ростовской области», № ГКО–698сс от 21 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» и № ГКО – 827сс от 22 октября 1941 г. «О переселении немцев из Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР». Они уточняли численность немецкого населения Северного Кавказа и последовательность включения административных территорий этого региона в акцию выселения. В соответствии с этими постановлениями предполагалось выселить с территории Ростовской области 21 400 человек, Краснодарского края – 34 287 человек, Орджоникидзевского края – 95 489 человек, Кабардино-Балкарской АССР – 5327 человек, Северо-Осетинской АССР – 2929 человек. Акцию выселения предполагалось осуществить в Ростовской области – с 10 по 15 сентября 1941 года, с территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Краснодарского и Орджоникидзевского краев – с 25 сентября по 10 октября 1941 г., а с территории Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР – с 22 октября по 10 ноября 1941 г.³

Несомненно, чтобы осуществить такую масштабную акцию, необходимо было тщательно спланировать все ее этапы, продумать порядок реализации каждого из них. Анализ документов убеждает в том, что даже несмотря на мобилизацию всех имеющихся сил и средств такие условия, как четкость и своевременность выполнения всех мероприятий, не были обеспечены. Не были соблюдены сроки выселения. Оно не было завершено в октябре-ноябре 1941 г. и продолжалось в январе

von ethnischen Deutschen deren Schicksal. Sie waren die ersten deportierten Vertreter der nationalen Minderheit des Nordkaukasus.

Im Gegensatz zu den Wolgadeutschen, deren Aussiedlung gemäß der speziell verabschiedeten Verordnung des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR erfolgte², wurden die nordkaukasischen Deutschen aufgrund von Bestimmungen des Staatlichen Verteidigungskomitees: Nr.GKO-636ss vom 6. September 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus der Stadt Moskau, aus den Gebieten Moskau und Rostow“, Nr. GKO-698ss vom 21. September 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse, aus dem Gebiet Tula, aus den Kabardino-Balkarischen und Nordossetischen ASSR“ und Nr.GKO-827ss vom 22. Oktober 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus der Dagestanischen ASSR und Tschetscheno-Inguschischer ASSR“ ausgesiedelt. Sie präzisierten die Zahl der deutschen Bevölkerung des Nordkaukasus und die Reihenfolge der Eintragung von Verwaltungsterritorien dieser Region in die Aussiedlungsaktion. Gemäß diesen Bestimmungen war es beabsichtigt, aus dem Territorium des Rostow 21.400 Menschen, aus der Region Krasnodar 34.287 Menschen, aus der Region Ordschonikidse 95.489 Menschen, aus der Kabardino-Balkarischen ASSR 5.327 Menschen und aus der Nordossetischen ASSR 2.929 Menschen auszusiedeln. Die Aussiedlungsaktionen waren folgenderweise geplant: im Gebiet Rostow vom 10. bis 15. September 1941, aus dem Territorium der Kabardino-Balkarischen ASSR, aus dem Nordossetischen ASSR, aus den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse vom 25. September bis 10. Oktober 1941, und aus dem Territorium der Dagestanischen ASSR und Tschetscheno-Inguschischer ASSR vom 22. Oktober bis 10. November 1941.³

Um eine so großzügige Aktion durchzuführen, musste man offensichtlich alle Etappen gründlich planen und deren Realisierung durchdenken. Die Analyse von Dokumenten überzeugt, dass trotz Mobilisierung aller vorhandenen Kräfte und Mittel solche Bedingungen wie Genauigkeit und Rechtzeitigkeit aller Massnahmen nicht gesichert wurden. Die Aussiedlungsfristen wurden nicht eingehalten. Sie wurde von Oktober bis November 1941 nicht beendet und dauerte noch bis

Валентина Шнайдер

« Репрессии

Я судьбою не избалована,
Было всё: и печали, и радости,
И в косую линейку линованы
Родословной веточки сладости.

Где линейкой, а где-то клеткою
За отцовской фуфайкой зэковской,
Ни за что судьбоносной отметкою
Репрессированной, совдеповской.

Виражами судьбы или времени
После марта пятьдесят третьего,
Ни ползком, а галопом в стремени
Снова малая Родина встретила.

Опалила теплом полуденным,
Оживила нектаром сладостным.
И в кубанской ночи
Полной грудью мы
Усыпили обиду на радостях.

От того на пороге осени
Замутненной памятью стелятся
За колючим забором сосенным
Полутёмных барачников поленницы.

Валентина Шнайдер
с внуком

Валентина Андреевна Хохрякова–Шнайдер родилась в 1941 году на Кубани, откуда вместе с родителями депортирована в Семипалатинскую область. Проживает в Тобольске. Член городского поэтического объединения «Слово», дипломант городских, областных поэтических фестивалей.

1942 г., что еще больше ухудшало ситуацию, в которой оказались переселяемые⁴.

Несмотря на сжатые сроки организации и проведения этого мероприятия, организаторы не забыли о таком значимом моменте, как придание ему легитимного характера. То, как выполнялась эта процедура, является подтверждением существования общего «сценария». В соответствии с ним, как и в рамках кампании в годы Первой мировой войны, следовало подтвердить проявление нелояльности к государству со стороны немцев. На этот раз таковая должна была проявляться в контрреволюционной деятельности и пособничестве фашизму. Всего за один день до выхода постановления ГКО о выселении немцев 20 сентября 1941 г. секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М.А. Сулову была представлена докладная записка «О немецком населении Орджоникидзевского края», подписанная начальником территориального управления НКВД. В этой записке представлен краткий обзор завершённых следственных дел 1930-х – начала 1940-х гг., фигурантами которых были немцы и меннониты⁵.

Знакомство как с содержанием самой записки, так и протоколами допросов убеждает в том, что уже к середине 1930-х гг. НКВД имел солидный опыт в области «технологий обработки». Так как предполагалось, что враги советского режима были многочисленны, существовала модель фальсифицирования обвинения группы, а не индивида. В соответствии с ней, чтобы выстроить обвинение, при допросе от арестованного добивались максимально полной информации о круге его общения. Таким образом, составляли картину о его окружении – о родственниках, друзьях⁶. Так как немцы и меннониты чаще всего тесно общались предпочтительно с братьями по вере, таким образом фальсифицировалась информация о различных группах «вредителей» вроде «тракененской» или при концессии ДРУЗАГ⁷.

zum Januar 1942 an, was die Situation, in die die Umsiedler gerieten, noch weiter verschlechterte.⁴

Trotz der zeitlich begrenzten Fristen der Organisation und Durchführung dieser Massnahme vergassen die Organisatoren nicht, ihr einen legitimierten Charakter zu geben. Die Erfüllung dieses Verfahrens bestätigt das Vorhandensein eines allgemeinen „Szenarios“. Demgemäß musste man die Ausprägung der Illoyalität seitens der Deutschen gegen den Staat bestätigen, wie es auch der Fall im Rahmen der Kampagne des Ersten Weltkrieges war. Diesmal musste es sich in der konterrevolutionären Tätigkeit und Begünstigung des Faschismus zeigen. Erst einen Tag vor dem Erscheinen der Bestimmung des Staatlichen Verteidigungskomitees über die Umsiedlung von Deutschen, am 20. September 1941, wurde dem Sekretär des Regionskomitees Ordschonikidse der Kommunistischen Partei der Sowjetunion M.A. Suslow die Denkschrift „Über die deutsche Bevölkerung der Region Ordschonikidse“ vorgelegt, die durch den Leiter der Territorialverwaltung des NKWD unterzeichnet wurde. Diese Denkschrift enthielt eine kurze Übersicht von abgeschlossenen Untersuchungsakten in den 1930er und Anfang der 1940er Jahren, wo die Betroffenen Deutsche und Mennoniten waren.⁵

Die Bekanntschaft mit dem Inhalt der Denkschrift sowie mit den Verhörprotokollen überzeugt davon, dass der NKWD schon zur Mitte der 1930er Jahre eine solide Erfahrung im Bereich der „Bearbeitungstechnologie“ hatte. Da es vermutet wurde, dass die Feinde des sowjetischen Regimes zahlreich waren, gab es ein Modell der Verfälschung der Beschuldigung einer Gruppe und nicht eines einzelnen Menschen. Demgemäß wurde einem Verhafteten maximal die volle Information über seinen Verkehrskreis abgezwungen, um die Beschuldigung auszubauen. Somit stellte man das Bild über seine Umgebung – über Verwandten und Freunde –zusammen.⁶ Da die Deutschen und Mennoniten sogar unter nordkaukasischen Bedingungen meistens mit Glaubensbrüdern verkehrten, wurde die Information über verschiedene „Schädlinggruppen“ wie etwa die „Trakehnen-Gruppe“ oder die Gruppe bei der Deutsch-Russischen Saatbau-Aktiengesellschaft falsifiziert.

Роман Богер

Роман Богер (справа)
в трудармии

Фрейфельд, 1941 год, 25 сентября. Утром сообщение по телефону в сельсовет. В суточный срок всему немецкому населению собрать нужные вещи, продукты на 3–5 дней. Откуда-то появилась вооруженная милиция на лошадях, которая разъехалась по всему селу. На другой день рано утром, с других деревень прибыли подводы, брички, повозки, арбы. Их распределили по дворам, быстро погрузили вещи. Детей и стариков посадили на подводы, остальные пошли пешком в сопровождении охраны. Шли целый день, прошли 60 км, ночью прибыли на станцию Куцевская, где нас уже ждали составы с телячьими вагонами. Тут же началась погрузка.

Мы заняли нижние полки слева, так наша семья была большой, а Толя был еще маленьким. Нары были двухъярусные. Печки у нас не было, в некоторых вагонах были еще железные печки. Погрузка продолжалась до следующего дня. В Ростов мы прибыли к обеду. Из вагонов никого не выпускали, двери были полуоткрытыми. В Ростове прицепили несколько вагонов. Простояли там примерно четыре часа. Ехали из Ростова тихо. Слышны были взрывы. Наши эшелоны были последними, после нас немцы взорвали мост через Дон.

Ехали под охраной, которая открывала и закрывала ворота вагонов. Ехали целый месяц. За это время было много приключений. Первое – туалет. На остановках люди бегали в разные стороны, под вагоны, за вагоны и т.д. Туалетом в вагоне служило ведро. Вонь стояла! Были случаи, что умирали люди, хоронили на неизвестных разъездах, станциях, в тряпки завернутые, немного закрытые трупы оставляли рядом с железной дорогой. Кормили один раз в день. По одному из членов семьи собирались в группы и под конвоем шли на станцию за баландой в ведро и хлебом в сумку. Воду тоже давали, но не на всех станциях, потому что не везде была горячая вода.

Так и доехали до Юрги. Прибыли 25 октября. Выгрузились по команде. Вагоны ушли, люди остались. Уже выпал снег. Не каждый, да почти никто не имел теплых вещей, обогреться было негде. Мужики собирали дрова, развели костры. В этот же день подали подводы и нас стали развозить по деревням.

Из воспоминаний Романа Богера. Роману Матвеевичу уже за 90. В настоящий момент он проживает в Германии.

Арестованных обвиняли в создании контрреволюционной организации. В «сценарии», разрабатываемом НКВД, должно было быть действующее лицо, которое бы уровнем образования, опытом и авторитетом обеспечило обвинению необходимую масштабность. Таким лицом чаще всего выступал тот или иной религиозный деятель, например, весьма авторитетный представитель меннонитской конгрегации Яков Ремпель⁸, лютеранские пасторы Фрицлер (к. Каррас Мин-Водского района), Юргенс, Геросянц (г. Мин-Воды), Янц (к. Либенталь Спицевского района), проповедник адвентистов 7-го дня Эбельмайер и другие⁹. Им были предъявлены обвинения в антисоветской националистической пропаганде и вербовке агентов для германских спецслужб только лишь на основании их частых разъездов по немецким поселениям¹⁰.

В записке сообщалось, что по данным оперативного учета к сентябрю 1941 г. в крае «разрабатывается резко враждебно настроенных к СССР 1065 немцев»¹¹. При этом в документе не было упоминания ни одного факта свершившейся диверсии, а только лишь содержалась информация о готовившихся актах, полученная во время допросов арестованных немцев и меннонитов. И тем не менее был сделан вывод о том, что «в связи с военной обстановкой возрастает опасность... что вражеские элементы из числа немцев особенно много вреда могут принести в городах Кавмингруппы, где... сосредоточено большое количество госпиталей, а Мин-Воды имеют большое значение как крупный железнодорожный узел, ...аэропорт и аэродромы», а потому «в целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения в особенности в наиболее уязвимых местах (районы Кавмингруппы, Невинномысска, Георгиевска и др.) и нанесения ущерба государству в этот напряженный период Отечественной войны возникает необходимость разрешения вопроса о возможности переселения немецкого населения из

Die Verhafteten wurden der Gründung einer konterrevolutionären Organisation beschuldigt. Im durch den NKWD auszuarbeitenden „Szenario“ musste eine handelnde Person sein, die durch ihr Bildungsniveau, ihre Erfahrung und Autorität der Beschuldigung eine erforderliche Großzügigkeit sichern konnte. An eine solche Stelle traten am häufigsten Religionsmänner, wie zum Beispiel ein angesehener Vertreter der Mennonitskongregation Jakow Rempel⁸, die lutherischen Propste Frizler (Kol. Karras, Rayon Min-Wody), Jurgens, Gerosjanz (Stadt Min-Wody), Janz (Kol. Liebental, Rayon Spizewka), die Prediger der Siebenten-Tags-Adventisten Ebelmeier und andere.⁹ Sie wurden der antisowjetischen nationalistischen Propaganda und der Werbung von Agenten für deutsche Geheimdienste nur aufgrund ihrer häufigen Reisen in deutsche Siedlungen beschuldigt.¹⁰

Im Bericht teilte man mit, dass „1.065 der die UdSSR feindselig handelnden Deutschen“ nach Angaben der operativen Erfassung zum September 1941 in der Region „bearbeitet werden“.¹¹ Dabei enthielt das Dokument keine Tatsache der begangenen Sabotage, nur die Information über vorbereitete Akte, die während der Verhöre von verhafteten Deutschen und Mennoniten erhalten wurde. Dennoch kam man zum Schluss, dass „aufgrund der Kriegslage die Gefahr ... wächst, dass die Feindeselemente aus der Zahl der Deutschen besonders viel Schaden in den Städten der Kawmingruppe zufügen können, wo ... eine große Anzahl von Lazaretten konzentriert sind, und Min-Wody eine große Bedeutung als großer Eisenbahnknotenpunkt, ... Flughafen und Flugplätze hat“, und deshalb „ist es nötig, zwecks der Vorbeugung der Wühlätigkeit des konterrevolutionären Elementes aus der Zahl der deutschen Bevölkerung besonders in anfälligsten Plätzen (Rayons der Kawmingruppe, Newinnomyssk, Georgijewsk u.a.) und der Beeinträchtigung des Staates in diesem gespannten Zeitraum des Vaterländischen Krieges die Frage über die mögliche Umsiedlung der deutschen Bevölkerung aus den obengenannten Rayons in andere Orte der Region oder außerhalb der Region zu lösen“.¹² Somit lässt der Inhalt des Berichts keinen Zweifel darüber, dass ihre Zweckbestimmung war, der Deportation ei-

Елизавета Бургарт

«Приказ о выселении стал для нас громом посреди ясного дня. Нам дали несколько дней на сборы и разрешили взять с собой лишь немного вещей. Люди в суматохе бросились собирать в дорогу самое необходимое: одежду, продукты. Всё происходило как в страшном сне. В день отправки мы спешно погрузили вещи на повозку, собрали детей (их у нас было четверо), с нами ехал и престарелый отец мужа. Отправились на станцию. Позади была печальная картина: брошенные дома, скотина во дворах, собаки бежали вслед за нами и выли, люди плакали. Невыносимо было видеть всё это. Мы проехали уже приличный участок пути, как вдруг обнаружили, что нет нашей маленькой Розы, ей лишь несколько дней назад исполнилось шесть. Муж в тревоге побежал назад в село искать ребёнка. Когда он добежал до дома, то увидел, что дочка мирно спит под деревом во дворе. В суматохе мы забыли о ней. Он схватил Розу, быстро бросился догонять нас. Слава Богу, теперь мы были все вместе.

P.S. Когда бабушка и позже мама пересказывали мне эту историю, то часто говорили, что если бы тогда не спохватились вовремя, кто знает, как бы сложилась судьба мамы».

По воспоминаниям Елизаветы Бургарт (1897–1986), с. Ново-Николаевка Усть-Лабинского района Краснодарского края, выселенной в сентябре 1941 г. в Восточный Казахстан. Записала Людмила Бургарт.

На фоне храма жители немецкой католической колонии Ново-Николаевка Усть-Лабинского района Краснодарского края накануне войны (конец 30-х гг.). Слева с белокурой девочкой на руках – бабушка Людмилы Бургарт Елизавета Адамовна Бургарт (Бинзак) (1897 г.р.) с мамой Людмилы Розой Иосифовной Бургарт (1935 г.р.). Первый в пятом ряду справа в кепке и с усами дед – Иосиф Антонович Бургарт (1894 г.р., был в трудармии в Кировской обл., «сактирован» в 1944 г., сел в поезд, но до дома не доехал, очевидно, умер в пути от истощения). Семья была выселена в Восточно-Казахстанскую область, Большенарымский район, село Солдатово, затем находилась на спецпоселении в селе Малонарымка, Большенарымского района ВКО.

указанных выше районов в другие места края или за его пределы»¹². Таким образом, содержание записки не оставляет сомнений в том, что ее назначением было придание депортации характера вынужденной меры и подтверждение легитимности этой акции.

Часть документов, детализирующих порядок интернирования, изначально носил общегосударственный характер. Так, например, инструкция о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников по специальному решению, утвержденная СНК СССР за № 2016-915сс от 30 августа 1941 г. без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР¹³. А вот инструкция по проведению переселения должна была носить региональный характер. Этот документ, на основании которого предполагалось осуществить само выселение, следовало составлять с учетом особенностей каждого региона. Но опять все было обусловлено фактором времени. Из-за его нехватки инструкция по проведению переселения была разработана только для Ростовской области, а депортация немцев из других административно-территориальных образований на Северном Кавказе осуществлялась на ее основе¹⁴.

Для проведения подготовительных мероприятий выселения комплектовались областные и краевые оперативные тройки, утверждаемые приказом НКВД СССР. В их составе были начальник местного отделения НКВД, начальник милиции и секретарь комитета партии. В их обязанности входило комплектование участковых оперативных троек, составление графиков подачи вагонов, организация приема и посадки переселенцев.

Для составления списков подлежащих переселению участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую семью, подлежащую выселению, с перечислением всех членов семьи. Семьи, где глава (муж) не являлся немцем, а жена была немкой, не выселя-

ли, так как они обладали легитимным характером. Им необходимо было дать легитимизированный характер и подтвердить легитимность этой акции.

Ein Teil von Dokumenten, die das Verfahren der Internierung detaillierten, hatte von Anfang an einen gesamtstaatlichen Charakter. So, zum Beispiel, die Vorschrift über das Verfahren der Vermögensübernahme von umzusiedelnden Kolchosen und Kolchosbauern gemäß dem speziellen Beschluss, der durch den Rat der Volkskommissare der UdSSR unter Nr. 2016-915сс vom 30. August 1941 bestätigt wurde, galt ohne zusätzliche Präzisierungen auf dem ganzen Territorium der UdSSR.¹³ Die Vorschrift zur Durchführung der Umsiedlung musste jedoch einen regionalen Charakter haben. Dieses Dokument, das als Grundlage für die Durchführung der Aussiedlung beabsichtigt wurde, musste unter Berücksichtigung von Besonderheiten jeder Region angefertigt werden. Aber alles war mit dem Faktor Zeit bedingt. Wegen des Zeitmangels wurde die Vorschrift zur Durchführung der Umsiedlung nur für das Gebiet Rostow ausgearbeitet, und die Deportation von Deutschen aus anderen territorialen Verwaltungseinheiten im Nordkaukasus wurde auf deren Grundlage durchgeführt.¹⁴

Zur Durchführung von Vorbereitungsmaßnahmen der Aussiedlung wurden operative Rayons- und Regionaldreiergruppen komplettiert, die durch den Befehl des NKWD der UdSSR bestätigt wurden. Diese Gruppen bestanden aus dem Lokalabteilungsleiter des NKWD, dem Milizchef und dem Sekretär des Parteikomitees. Ihre Pflichten waren die Auffüllung von operativen Bereichsdreiergruppen und die Erstellung des Zeitplans der Bereitstellung von Wagen, Organisation der Aufnahme und der Beladung von Umsiedlern.

Die operativen Bereichsgruppen fuhren in Kolchosen, Siedlungen und Städte hinaus, um die Listen der Umzusiedelnden zusammenzustellen, und füllten Karteikarten für jede auszusiedelnde Familie mit der Aufzählung von allen Familienangehörigen aus. Die Familien, wo der Familienvorstand (Ehemann) kein Deutscher und die Ehefrau eine Deutsche war, wurden nicht ausgesiedelt. Im Falle der zeitlichen Abwesenheit von einzelnen Familienangehörigen wurden sie von den NKWD-Organen zwecks der nachfolgenden Einweisung zum neuen

В конце XIX века на Северном Кавказе возникло несколько немецких дочерних колоний. Основаны они были переселенцами из материнских колоний Причерноморья, Бессарабии и Поволжья. Так была основана и католическая колония Ново-Николаевка. Поселение располагалось в устье реки Лабы по течению Кубани и находилось, примерно, в 90 км к северо-востоку от Краснодара и 85 км к западу от Армавира. Ново-Николаевка входила в состав Пятигорского деканата Тираспольской епархии. Несмотря на трудности первых переселенческих лет, колонии удалось окрепнуть. К началу 20-х гг. XX в. у колонистов была развитая система хозяйствования. В колонии были широкие мощённые улицы, школа и построенная из красного кирпича церковь. Число жителей в 1926 году составляло 1061 человек, кроме немцев в колонии проживала незначительное число русских и украинцев. Когда начались массовые гонения церкви и верующих, храм в Ново-Николаевке был закрыт, имущество и ценности экспропрированы, в самом здании разместился сельский клуб. Оставшиеся в храме предметы были, очевидно, складированы на чердаке. В конце сентября 1941 года всех жителей Ново-Николаевки немецкой национальности депортировали в Восточный Казахстан. После депортации немцев один из жителей села, русский по национальности, нашёл на бывшем церковном дворе статуэтку Девы Марии и сохранил её у себя. В 60-е гг. представители одной немецкой семьи поехали в Ново-Николаевку, чтобы посмотреть, можно ли вернуться в это село и что стало с их домом. На родине

Людмила Бургарт,
прихожанка прихода Пресвятой девы Марии Святого Розария г. Усть-Каменогорска

их встретил русский односельчанин, рассказал о том, что нашёл статуэтку Богородицы, посчитал за грех оставить её на земле и сохранил у себя. Он передал статуэтку немцам-католикам. Само село в 70-е гг. было объявлено неперспективным, пришло в запустение, здание храма стало использоваться в качестве склада химикатов...

Статуэтка Девы Марии проделала долгий путь от Ново-Николаевки до села Малонарымка Большенарымского района Восточно-Казахстанской области и на последнем участке этого пути – от районного центра до Малонарымки, в тесном автобусе статуэтку, к сожалению, повредили: лицо оказалось разбитым. Местные мастера Иван Фрайбергер и Владимир Мицих осторожно восстановили скульптуру, но на лице по-прежнему остались слегка заметные шрамы.

С тех пор статуэтка хранится в семье Амалии Мицих (Легостаевой). В 60-е – 80-е гг. в селе Малонарымка верующие немцы-католики, преимущественно женщины старших возрастов (семьи Мицих, Гринвальд, Бургарт, Мильденбергер, Бусс, Фрайбергер, Гетте, Клостер и др.), собирались в тайную молитвенную группу: читали Святое Писание, пели религиозные песни и молились розарий, часто посреди их тесного молитвенного круга была эта маленькая статуэтка Матери Божьей. Казалось, Пресвятая Мать пережила со своими детьми все: жестокие репрессии, разрушение церкви, войну, депортацию, спецпоселение, существование в подполье. Их боли и страдания ложились шрамом на сердце Матери, которая никогда и нигде не оставляла своих детей.

лись. В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи¹⁵. При составлении учетной карточки главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи. В случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств, он будет наказан в уголовном порядке, а остальные члены семьи репрессированы¹⁶.

Располагая данными о количестве переселяемых, участковые оперативные тройки составляли план проведения операции. Оперативные тройки должны были составить графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава. В реальности это означало, что следовало предусмотреть резерв переселенцев, подлежащих перевозке. Таким образом, депортируемых заранее доставляли в район железнодорожных станций в Невинномысск, Мин-Воды, Ставрополь, и они проводили здесь по несколько дней перед отправкой¹⁷. Вполне уместно напомнить, что выселение проходило осенью, когда наблюдаются резкие перепады дневной и ночной температуры. Для ожидавших подачи состава немцев не было организовано горячее питание и невыделены помещения для ночлега.

В соответствии с инструкцией начальники оперативных участков должны были оповестить переселяемых о необходимости отправки и разъяснить им порядок переселения за несколько дней до выселения. Но, как правило, сроки, отводимые на подготовительные мероприятия, ограничивались несколькими днями, поэтому при составлении учетных карточек переселяемые получали первые инструкции. Им разрешалось брать с собой посуду, постельные принадлежности, одежду, деньги, запас продовольствия на один месяц¹⁸.

Помимо участковых оперативных троек НКВД, создавались комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев. В помощь им в каждом

Wohnort der Familie in den Nachweis aufgenommen.¹⁵ Bei der Zusammenstellung einer Karteikarte wurde dem Familienvorstand mitgeteilt, dass er für alle umzusiedelnden Mitglieder seiner Familie verantwortlich ist. Im Falle des Übergangs von einzelnen Familienangehörigen auf Illegalität wird er auf dem strafrechtlichen Wege bestraft und die anderen Familienangehörigen werden repressiert.¹⁶

Wenn die operativen Bereichsdreiergruppen die Angaben über die Zahl der Umzusiedelnden hatten, erstellten sie den Operationsplan. Operative Dreiergruppen mussten die Zeitpläne der Bereitstellung von Wagen so erstellen, dass ein Stillstand des rollenden Materials auszuschließen war. In Wirklichkeit bedeutete es, dass eine Reserve von zu transportierenden Umsiedlern vorgesehen werden musste. Auf solche Weise wurden die Deportierten frühzeitig im Bereich der Bahnhöfe in Newinnomyssk, Min-Wody, Stawropol gebracht, wo sie einige Tage vor der Abfahrt verbrachten.¹⁷ In diesem Zusammenhang sei daran erinnert, dass die Umsiedlung im Herbst bei krassen Unterschieden der Tages- und Nachttemperatur stattfand. Für die auf die Bereitstellung des Zuges wartenden Deutschen war keine warme Kost organisiert und keine Räume zur Übernachtung bereitgestellt.

Entsprechend der Vorschrift mussten die Leiter der operativen Bereiche die Umsiedler von der Notwendigkeit der Abfahrt benachrichtigen und das Umsiedlungsverfahren einige Tage vor Aussiedlung erklären. Jedoch waren die Fristen für die Vorbereitungsmaßnahmen in der Regel auf einige Tagen beschränkt und so erhielten die Umsiedler bei der Zusammenstellung von Karteikarten die ersten Anweisungen. Sie durften Geschirr, Bettzeug, Kleidung, Geld, Speisevorrat für einen Monat mitnehmen.

Außer der operativen Dreiergruppen des NKWD wurden die Kommissionen zur Übernahme des Vermögens von umzusiedelnden Kolchosen und zur Bewertung des persönlichen Vermögens von Deutschen gebildet. Zur Hilfe der lokalen Kommissionen waren in jedem Rayon nicht weniger als 50 Zählerarbeiter in Form der Arbeitspflicht gegen entsprechende Bezahlung mobilisiert. Man bildete Gruppen von Arbeitern aus sowjetischen Partei- und dem Komsomolaktiv zur Hilfe

Я, Кристина Ивановна Бишель, родилась 18 августа 1927 года в селе Марьино Успенского района Краснодарского края, в семье служащего. Мой отец, Иван Иванович Бишель, работал бухгалтером, мама, Анна Андреевна, была домохозяйкой, воспитывала пятерых детей. Дом у нас был большой, рядом – фруктовый сад. Жили мы на берегу реки Кубань, затем переехали к бабушке, в станицу Покровская. В 1934 году я пошла в школу, а еще через 7 лет началась война. Старший брат Ваня был в это время в армии. Отца и всех мужчин-немцев мобилизовали в трудовую армию, а мы – мама, бабушка и еще трое детей, все младше меня, остались в станице. Было голодно и страшно, возле домов рыли окопы для укрытий. Почти каждый день прибывали беженцы, их расселяли по домам. А потом наступил страшное время, когда после Указа Сталина И.В. всех нас, немцев, решено было выслать. Куда – этого никто не знал. На сборы дали 24 часа, с собой можно было взять смену белья и питания на три дня. Погрузили нас в телячьи вагоны, в которых не было даже нар, так сидя и ехали. Доехали до ст. Куцевская, и здесь нас настигла беда – немецкие бомбардировщики принялись бомбить наш поезд. Кто смог – бросился бежать в лес, и наши сопровождающие – военные – тоже, но разрывы бомб настигали людей повсюду. Наконец все затихло. Конвоиры собрали оставшихся людей, приказали сесть в уцелевшие вагоны. Откуда-то подогнали другой паровоз, и нас повезли в обратную сторону – в Сталинград. А еще через три дня нас привезли в Казахстан, на станцию Щербакты. Выгрузили в страшный мороз и окочневших, голодных повезли по деревням.

Попали мы (вся семья) в деревню Александровка. Встретил нас председатель сельсовета Сологуб В.И. и взял к себе домой. У него было двое детей, и уже была назначена свадьба дочери, но он отложил свадьбу. Он вообще был очень добрым человеком. Никогда не садился за стол без нас. Он старался дать нам какие-нибудь вещи, ведь мы были почти раздетыми. И люди в деревне относились к нам по-доброму.

Но беда вновь подстерегала нас – от кори умерли младшие братишка и сестренка. Остались мы вчетвером. Узнали том, что старший брат Ваня из армии был отозван и мобилизован в Копейск, в трудовую армию. Отец в это время находился в трудармии в Свердловске. Известий от него не было. Впоследствии мы узнали, что он тяжело заболел там и умер. Об этом рассказал после войны муж маминей сестры. Умер отец в больнице. Умирали тогда многие трудармейцы. Их складывали за сарай, а когда трупов накапливалось много, их сбрасывали в заранее подготовленную яму и бульдозером засыпали.

Вскоре после нашего приезда в Казахстан мобилизовали в трудовую армию и брата Давыда, 1926 года рождения, а следом и маму. Узнав о том, что предыдущий эшелон с мобилизованными еще не ушел, мама упростила военкома отправить ее вместе с сыном. Так они попали в Бутуруслан. Остались мы с бабушкой вдвоем. Но в августе 1942 года, как только мне исполнилось 15 лет, пришла повестка и мне. На станцию меня провожала бабушка. Из всей нашей большой семьи оставалась она одна.

Из воспоминаний Кристины Ивановны Бишель

Кристина Бишель

районе мобилизовали в порядке трудовой повинности за соответствующую оплату не менее 50 счетных работников. Для усиления охраны имущества колхозов на время проведения операции в помощь оперативным группам создавали группы работников из партийно-советского и комсомольского актива. К проведению операции привлекли колхозников из русских колхозов¹⁹.

Несмотря на ликвидацию колхозов (в действительности выселение было равнозначно ликвидации), государство предполагало получить все обязательные поставки от данных хозяйств²⁰.

При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3 % из оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом выработанных трудодней²¹. На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живого веса. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот²². На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчикам обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам. Оценка личного имущества переселяемых немцев должна была производиться оценочной комиссией в составе уполномоченного НКЗ СССР, председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие получали в подтверждение этого акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку²³.

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие – всего весом до одной тонны на семью²⁴.

der operativen Gruppen, um den Schutz von Kolchosen während der Operationsdurchführung zu verstärken. Zur Operationsdurchführung wurden Kolchosbauern aus russischen Kolchosen herangezogen.¹⁹

Trotz der Liquidierung von Kolchosen (die Aussiedlung hieß Liquidierung) hatte der Staat vor, alle verbindlichen Lieferungen von diesen Wirtschaften zu erhalten.²⁰

Dabei wurde den umzusiedelnden Kolchosbauern versprochen, in neuen Siedlungsorten 3 Prozent von der nach Erfüllung der Verbindlichkeiten gebliebenen landwirtschaftlichen Produktion unter Berücksichtigung der durchgearbeiteten Arbeitseinheiten auszugeben.²¹ Über die Erfüllung von ihren Verbindlichkeiten gegenüber dem Staat hinaus wurde für das vom Kolchos übernommenen Vieh ein Protokoll in drei Exemplaren mit Angabe der Viehanzahl und dessen Lebendgewichts ausgefertigt. Gegen Vorlage der Protokolle an Einsiedlungsorten konnten die umzusiedelnden Kolchosen angeblich das Vieh erhalten.²² Für jeden von individuellen Abgebenden übernommenen Kopf des Arbeitsviehs wurde eine Quittung ausgestellt und die Bezahlung geleistet. Gegen Vorlage der Quittung am neuen Ort wurde den abgebenden Kolchosbauern der Erwerb des Arbeitsviehs zu gleichwertigen Preisen versprochen. Die Bewertung des persönlichen Vermögens von Umsiedlern musste durch den Bewertungsausschuss bestehend aus einem Bevollmächtigten des Volkskommissariats der Erfassungen der UdSSR, einem Vorsitzenden des Kolchos und einem Bankvertreter unter Teilnahme des umzusiedelnden Kolchosbauers ausgeführt werden. Die Kolchosbauern, die das persönliche Vermögen abgegeben hatten, erhielten als Bestätigung eine Akte mit der Angabe der Summe. Diese Summe musste am Ort der neuen Siedlung durch Bauten oder Materialien für Bauten entschädigt werden.²³

Die umzusiedelnden Deutschen konnten ihr persönliches Vermögen, ein kleines Landwirtschafts- und Haushaltsinventar sowie Lebensmittel mitnehmen – insgesamt bis zu einer Tonne pro Familie. Laut Aussagen von deutschen Bewohnern der Kolonien Kanowo, Karlsfeld (Einzelgehöft Selenaja Roschtscha), Kolchose Leninfeld, Rote-Fahne, Rot-front (Dorf Kotschubeewskoje), Stadt Stawropol trug das Abnahmeprotokoll

Одиллия и Иван Симон

29 сентября 1941 года всем семьям немецкой национальности в течение часа было приказано прибыть на вокзал. За такое короткое время родители смогли собрать детей и выпустить на улицу скотину. С собой разрешили взять сменное бельё и узелок с продуктами, якобы мы через неделю–две вернемся, но оказалось, что нас отправили в чужие края навсегда. На вокзале, переписав всех поименно, энкэвэдешники отобрали документы, растолкали всех по вагонам и повезли из Нальчика в Павлодарский край Казахской ССР.

В Казахстане нас никто не ждал, и жильё для нас специально не готовили. Вначале мы жили в землянках, потом нас, истощенных от голода, стали поселять в казахские семьи. Вскоре умер отец. После его смерти бесследно пропала мама. Мы, трое детей, полностью осиротели, просили милостыню в ауле. Кто даст кусочек хлеба, а кто 2–3 ложки каши».

«Когда пришло время получать паспорта, – говорит Иван Иванович, то из архива Нальчика пришёл ответ: "Все архивные документы во время войны сгорели". Пришлось заполнять паспорта по карточкам депортации, в которых напротив каждого члена семьи записан только год рождения».

Из воспоминаний Одиллии Ивановны (1940 г.р.) и Ивана Ивановича (1932 г.р.) Симон. Сегодня супруги Симон проживают в Кушве Свердловской области.

По свидетельству немцев – жителей колоний Каново, Карлсфельд (х. Зеленая Роща), колхозов Ленинфельд, Роте-фане, Рот-фронт (с. Кочубеевское), г. Ставрополя – акт приемки личного имущества носил формальный характер²⁵. Выполнение его часто откладывалось по организационным причинам. Так, например, в Ипатовском районе Орджоникидзевского края 27 сентября 1941 г. немцам объявили о том, что выселение состоится 7 октября. Но до 2 октября приемка колхозного и личного имущества в районе не велась. Затем она была осуществлена ускоренными темпами в течение пяти оставшихся до отправки дней со значительными нарушениями²⁶. Выселение лишило немцев обустроенных мест жительства, имущества, нанесло большой моральный ущерб.

Сведения о числе переселяемых немцев то и дело уточнялись и пополнялись. Материалы Отдела спецпоселений НКВД СССР дают разноречивые сведения. Сравним данные трех таблиц 1–3, отражающих ход проведения операции по выселению немцев Северного Кавказа.

Таблица 1

Итоги проведения операции по выселению немцев Северного Кавказа на 28 октября 1941 г.²⁷

Области выселения	Подлежит выселению	Сроки завершения операции
Ростовская область	38 288 чел.	18 сентября 1941г.
Краснодарский край	40 636 чел.	К 15 октября выселено 38 136 чел.
Орджоникидзевский край	95 489 чел.	К 15 октября выселено 74 570 чел.
КБ АССР	5327 чел.	5 октября 1941г.
СО АССР	2415 чел.	4 октября 1941г.
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	Сведения не были поданы	

des persönlichen Vermögens einen formalen Charakter.²⁵ Dessen Erfüllung wurde oft wegen der Organisationsursachen verschoben. So, zum Beispiel, im Rayon Ipatowo der Region Ordschonikidse sagte man am 27. September 1941 den Deutschen, dass die Aussiedlung am 7. Oktober stattfindet. Jedoch wurde keine Übernahme des Kolchos- und Personalvermögens bis zum 2. Oktober in der Region durchgeführt. Dann wurde sie in beschleunigtem Tempo im Laufe von fünf Tagen, die bis zur Abfahrt blieben, mit beachtlichen Verletzungen erfüllt.²⁶ Die Aussiedlung entzog den Deutschen die eingewöhnten Wohnsitze, das Vermögen und fügte moralischen Schaden zu.

Die Angaben über die Anzahl von deutschen Umsiedlern wurden ständig präzisiert und ergänzt. Materialien der Abteilung von Sonder-siedlungen des NKWD der UdSSR geben widersprechende Angaben. In drei Tabellen sind Angaben zum Vergleich angeführt, die den Verlauf der Operationsdurchführung über die Aussiedlung von Deutschen des Nordkaukasus widerspiegeln.

Таблица 1

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 28. Oktober 1941²⁷

Aussiedlungsbereiche	Unterliegen der Aussiedlung	Fristen des Operationsabschlusses
Gebiet Rostow	38.288	18. September 1941
Region Krasnodar	40.636	zum 15. Oktober wurden 38.136 Menschen ausgesiedelt
Region Ordschonikidse	95.489	zum 15. Oktober wurden 74.570 Menschen ausgesiedelt
Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5. Oktober 1941
Nordossetische ASSR	2.415	4. Oktober 1941
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	Angaben wurden nicht vorgelegt	

Помню, что в середине реки Кубань был остров, и в летние воскресные дни туда ездили взрослые и дети собирать грибы, ожину, хмель. У нас была лодка, и брат Сальман целый день перевозил туда девочек и женщин, назад они ехали с полными корзинами ежевики. Целый день раздавались там веселые песни молодежи.

Нас у матери было 9 детей: Александр, Сальман, Айгина, Паулина, Иоганн, Адам, Роза, Мария, Филипп. Все с раннего детства приобщались к труду. Братья работали с отцом, а девочки с матерью. Я была еще совсем маленькой, а мать меня заставляла рвать смородину (я и мой брат были ниже кустов смородины). Однажды отец что-то поручил братишке сделать, а он присел ко мне, и мы начали вместе рвать смородину. Вдруг прибежал отец с розгами и отпорол его за непослушание, а я принялась его защищать. Мать услышала это, отломала ветку смородины и крепко наказала. Я часто вспоминаю отца Иоганна Клостера – сильного, выразительного, с высоким лбом, рыжеватыми бакенбардами, тонкими усами, загнутыми кончиками вверх. Тяжелые мешки под глазами, полными жизни, прямой нос, широкая грудь, высокий рост. Рыбак, повар, кузнец, плотник, сыровар, хлебопашец... Мастер на все руки. Он никогда не сидел на месте без дела.

Осенью, помню, как резал отец кабана или телку, разделяли туши, делали колбасы, сальтисоны, солили в бочках окорока. Колбасы варил сам отец, на кухне стояли большие котлы. Когда было готово, отец отрезал всем по куску попробовать...

Знаю, что бабушка и дедушка и прадедушка родились в той же немецкой колонии Семеновка...

Помню, как шли мы по пыльной дороге. Моя мама с самым маленьким Филиппом на руках, а мы 8 детей с узелками в

руках покидали свой дом, свою вторую Родину, где было так хорошо и на которую возлагались такие надежды... И вот мы в Средней Азии, в совхозе Як-Один. Отец вырыл землянку. Помню, у отца тогда было бело-желтое обрюзглое лицо, отечный большой живот и опухшие ноги. Я взяла на руки маленькую Розу и поехала к брату в соседний совхоз. Ехала ночью, без билета, с ребенком (мне было тогда лет 13) на «кукушке», меня два раза сгоняли. Я слезу, а через 1–2 вагона опять заберусь. Так и доехала. У Розы оказалась дизентерия. Фельдшер выписал какую-то микстуру и кроме нее ничего не разрешал давать ни пить, ни есть. Язык у сестренки сухой, губы потрескались, живот втянут. «Пить, пить», – просит Розочка, а мне сказали ничего не давать. Вскоре она умерла. И я, будучи уже врачом, вспоминаю, как неправильно тогда лечили, что надо давать есть и пить. Потом я услышала, что умерли и родители, а перед этим похоронили своих детей. Отец делал гробики и закапывал прямо возле землянки. Я сильно затосковала, ходила угрюмая, ни с кем не разговаривала, по ночам стала вставать и блуждала вокруг барака, где мы с братом жили. Ночью я переходила по досточке через канал с водой и не падала, и никто мне не мог помочь. Я стала лунатиком. Никто меня не ругал, все понимали и следили за мной. Старый фельдшер дал мне пузырек с лекарством. Я пила его и немного успокоилась, но однажды, услышав «Бедная сиротка», я забила в угол и долго рыдала, там же и уснула... Мы остались втроем: я, Сальман и сестра Айгина. Вся жизнь на сердце тяжесть лежит, что не знаю, где покоятся наши родители. Никогда мы не сможем прийти к их надгробью и излить им свою душу.

Паулина Клостер

По записям из дневников Паулины Клостер, родившейся в 1918 году в колонии Семеновка (Ротлинг) Краснодарского края. Оформлены дочерью Ольгой Панкретьевой-Клостер.

Таблица 2

Итоги проведения операции по выселению немцев
Северного Кавказа на 25 декабря 1941 г.²⁸

Области выселения	Учтено на 09.1941 г.	Отправлено на 12.1941	Сроки завершения операции
Ростовская область	27 000	38 288	18 сентября 1941г.
Краснодарский край	40 636	34 706	Операция не завершена, предполагается отправка еще 2594 чел.
Орджоникидзевский край	95 489	88 903	Операция не завершена, предполагается отправка еще 500 чел.
КБ АССР	5327	5803	5 октября 1941г.
СО АССР	2929	2415	4 октября 1941г.
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	4012	7306	10 октября 1941г.

Таблица 3

Итоги проведения операции по выселению немцев
Северного Кавказа на 13 июля 1942 г.²⁹

Области выселения	Кол-во немцев, проживавших на 1939 г.	Кол-во немцев, выселенных на 1.01.1942	Кол-во эшелонов
Ростовская область	Не установлено	38 742	17
Краснодарский край	34 287	37 739	15
Орджоникидзевский край	45 689	99 990	38
КБ АССР	5327	5803	3
СО АССР	2929	2415	1
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	5048	7306	3

Tabelle 2

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 25. Dezember 1941²⁸

Aussiedlungsbereiche	Berechnet zum 09.1941	Abgesandt zum 12.1941	Fristen des Operationsabschlusses
Gebiet Rostow	27.000	38.288	18 September 1941
Region Krasnodar	40.636	34.706	Operation ist nicht abgeschlossen, man beabsichtigt den Abtransport von noch 2594 Menschen
Region Ordschonikidse	95.489	88.903	Operation ist nicht abgeschlossen, man beabsichtigt den Abtransport von noch 500 Menschen
Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5.803	5. Oktober 1941
Nordossetische ASSR	2.929	2.415	4. Oktober 1941
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	4.012	7.306	10. Oktober 1941

Tabelle 3

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 13. Juli 1942²⁹

Aussiedlungsbereiche	Anzahl von Deutschen, die im Jahre 1939 wohnhaft waren	Anzahl von Deutschen, die zum 1.01.1942 ausgesiedelt wurden	Anzahl von Zügen
Gebiet Rostow	Nicht festgestellt	38.742	17
Region Krasnodar	34.287 Mensch.	37.739	15
Region Ordschonikidse	45.689 Mensch.	99.990	38

Петр Дик.
Задумавшийся мальчик.
Наждачная бумага, пастель,
уголь. 30x30,5. 1993.

Жизнерадостный, улыбчивый человек, любящий и понимающий добрую шутку и сердечное отношение – таким мы знаем Николая Адамовича Функнера, ветерана труда.

Когда началась война с Германией, Коле было девять лет и в их городе Георгиевске, что в Ставропольском крае и, тем более, в их пригородном селе ему, казалось бы, ничто не грозило. Тем более что жили они на самой окраине в собственном доме, куда отзвуки далеких событий доходили медленно.

Родители работали в колхозе «Маяк коммуны»: отец, Адам Филиппович, трактористом, а мама, Мария Кристиановна, звеньевой в полеводческой бригаде. Отец пахал землю, засеивал поля, выполнял другие полеводческие работы, перемещал прицепы с разными грузами. Мать выращивала с подругами помидоры, морковь, свёклу, капусту и другие овощи.

Жили дружной семьёй, в своём подворье держали корову, свиней, домашнюю птицу. На огороде выращивали полный комплект потребляемых овощей, не хуже, не лучше, чем другие соседи. За детьми и хозяйством присматривала бабушка. Семья пополнялась регулярно, каждые два-три года. К началу войны у родителей было уже четверо наследников, среди которых Николай – старший. Не семеро по лавкам, но всё же семья. Вместе с бабушкой как раз семь душ.

Отец в военкомат не спешил, призыву он пока не подлежал. Если призовут – никуда не денешься, пойдёшь воевать, покинешь на хрупкие женские плечи весь свой выводок. При-

тихли и ждали, чем там всё закончится.

И всё же дотянулась костлявая рука войны до их курортного захолустья и бросила их в объятия невзгодам. Но совсем не так, как ожидалось. Вскоре после известного теперь всем указа по поволжским немцам, объявившим их неблагонадёжными, вышло постановление советского правительства, касающееся немцев, проживающих и на северном Кавказе. Подписано оно было председателем ГКО 21 сентября всё того же злополучного 1941 года. И началось выселение. В учет не брались ни заслуги, ни возраст, ни социальное происхождение, ни убеждения. Определяющим «вину» была национальность. Не важно, что уже двести лет ни ты, ни твои предки не общались с прародиной, не имеешь там ни родных, ни знакомых, даже язык твой далёк от того языка, на котором говорит агрессор.

До железнодорожной станции всех везли на подводах, запряженных быками. Посадили там в «телячьи» вагоны с двухъярусными нарами. Уплотнили до предела и повезли. В пути больше стояли, чем ехали – пропускали воинские эшелоны, товарняк, порожняк. Иногда подолгу просто так стояли, ждали зелёный семафор. Ночами уже было холодно.

«Путешествие» по железной дороге прервалось под Астраханью. Вскоре испытали морскую болезнь – плыли на барже по Каспию. В Кисловодске опять погрузили в эшелон, и железнодорожная эпопея продолжилась. К месту назначения, в Южно-Казахстанскую

Итак, как свидетельствуют данные таблицы 1, к середине октября, т. е. к тому моменту, когда в соответствии с приказом Берии, предполагалось завершение выселения, было отправлено 157 321 человек³⁰. Сведения таблицы 2, составленной на основе секретной справки, поданной 25 декабря 1941 г. на имя наркома госбезопасности «О переселении немцев из ряда областей, краев и республик СССР» помогают выяснить, что к этому времени были высланы 177 421 человек³¹. Если учесть еще 3094 человека, готовых к отправке в Краснодарском и Орджоникидзевском краях, то общее число выселенных к концу 1941 г. составляло 180 515 человек. Итоговые данные на июль 1942 г. называют цифру 191 995 человек³². И это число не окончательное, так как исследователь Н.Ф. Бугай считает, что с территории Северного Кавказа в восточные районы страны было выселено 198 097 немцев³³.

Расхождения в количестве немцев на 1939 г., учтенных на сентябрь 1941 г. и депортированных в 1941–начале 1942 гг. можно объяснить резким увеличением численности немецкого населения Северного Кавказа за счет эвакуированных немцев Крыма. Судя по всему, точной статистикой этого переселения ни советские органы, ни органы НКВД не располагали. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации за № с.7-75к от 15 августа 1941 г. в Орджоникидзевский край было эвакуировано около 60 000 немцев с расселением их в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах³⁴.

Согласно сообщению УНКВД Орджоникидзевского края, из Крымской АССР прибыло 50 000 немцев. Известно, что 3000 крымских немцев разместились в Ростовской области³⁵. Около 6000 человек были отправлены в район города Орджоникидзе (Владикавказ). Прибывшие расселялись преимущественно в сельской местности, где они помогали в уборке урожая.

Можно предположить, что на территории Краснодарского и Орджоникидзевского краев оказались немцы, депортирован-

Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5.803	3
Nordossetische ASSR	2.929	2.415	1
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	5.048	7.306	3

Laut den Angaben in der Tabelle 1, Mitte Oktober, also zum Zeitpunkt, wo auf Befehl von Beria die Vertreibung enden sollte, waren 157.321 Menschen abtransportiert.³⁰ Die Angaben der Tabelle 2, zusammengestellt auf der Grundlage der Geheimauskunft auf den Namen des Volkskommissaren der Staatssicherheit „Über die Umsiedlung der Deutschen aus einer Reihe von Gebieten, Regionen und Republiken von UDSSR“, klären, dass zu diesem Zeitpunkt 177.421 Menschen abtransportiert worden waren.³¹ Wenn man noch 3.094 Menschen berücksichtigt, die in den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse bereit zum Abtransport waren, betrug die Gesamtzahl von Ausgesiedelten zum Ende 1941 180.515 Menschen. Die Sammelangaben vom Juli 1942 zeigen die Zahl von 191.995 Menschen.³² Dabei ist dies nicht die endgültige Zahl. Der Forscher N.F. Bugaj meint, dass vom Nordkaukasus in die östlichen Regionen des Landes 198.097 Deutsche ausgesiedelt wurden.³³

Die Abweichungen in der Anzahl von Deutschen im Jahr 1939, von Berücksichtigten im September 1941 und Deportierten im Jahr 1941 – Anfang 1942 kann man durch den hohen Anstieg in der Anzahl der deutschen Bevölkerung des Nordkaukasus aufgrund der evakuierten Krimdeutschen erklären. Dem Anschein nach verfügten weder sowjetische, noch NKWD-Organen über die genaue Statistik dieser Umsiedlung. Laut dem Beschluss des Evakuierungsrates Nr. с.7-75к vom 15. August 1941 wurden in die Region Ordschonikidse ca. 60.000 Deutsche evakuiert, und in den Landkreisen Diwenskij, Blagodarny und Budennowsk.³⁴

Gemäß der Mitteilung der NKWD-Verwaltung der Region Ordschonikidse sind aus der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik Krim fünftausend Deutsche gekommen. Es ist bekannt, dass dreitausend der Krimdeutschen sich im Gebiet Rostow niederließen.³⁵ Ca. sechstau-

Виктор Гринимаер

область прибыли уже в промозглом декабре. Хоть и юг, но зима давала о себе знать. Поселили у местных жителей, казахов, в маленькую комнату совместно с такой же большой семьей. Теснота была жуткая. Спали по очереди. Всё остальное – тоже.

Отец сразу определился на работу в МТС, хорошие специалисты и здесь были нахват. Но уже в феврале началась мобилизация. Куда, зачем – не знали. Думали – на войну, все-таки через военкомат призвали, а привезли в концлагерь, в «рабочую колонну». Со временем эти «колонны» стали именоваться трудармией. Отец всегда имел отменное здоровье, но попал в один из самых печально известных своей жестокостью лагерей – Бакалстрой, переименованный позже в Челябинметаллургстрой...

Голодно жилось и семье на поселении. Мать из сил выбивалась, чтобы заработать полноценный кусок хлеба на всю свою ораву. Ей пыталась помогать её сестра, но ту вскоре осудили за сбор колосков с убранного поля и направили по этапу в исправительно-трудовую колонию на три года.

Николаю исполнилось одиннадцать лет, он главный мамин помощник. Взяв себе в компаньоны второго по возрасту брата, восьмилетнего Владимира, он отправился в райцентр побираться. Другого варианта добыть пропитания придумать было просто сложно. Но райцентр, село Каратайское, не ахти какой большой населённый пункт, там быстро побирушек «вычислили», забрали в милицию, а потом сдали в детский приют как беспризорников. Пока суд да дело, им из приюта удалось сбежать. Ударились в бродяжничество, побираясь и подбирая, – что плохо лежало.

Но сколько веревочке не виться – приходит ей когда-нибудь конец. Завершились и их с братом скитания поимкой и направлением под конвоем двенадцатилетнего и девятилетнего преступников в детский дом для таких, как они «рецидивистов», в городок Ачисай. Там их, грязных, обовшивевших, оборванных, определили в недельный карантин. За это время сняли и сожгли их лохмотья, обработали их самих керосином, остригли, отмыли, смазали йодом ссадины и выдали новую одежду.

В детдоме были ребятишки разных националь-

ностей. Всем было несладко, но над немцами помимо всего прочего ещё и издевались, как над «пособниками» фашистов, устраивали им «темную», обзывались. Старались и взрослые, и ровесники.

Как живётся младшему братишке, Коля теперь не знал – их сразу после «карантина» развели по разным детдомам.

В 1948 году его, шестнадцатилетнего, направили в городок Ленгер в трехмесячное ФЗУ (фабрично-заводское училище), учили на плотника. Но так как вместо учёбы больше работали, учеба оказалась малорезультативной. После такой учебы плотник из него не получился и пришлось работать разнорабочим несколько лет.

Маму, младших братьев и сестру он нашел только в 1952 году, когда ему исполнилось уже двадцать лет. Жизнь стала налаживаться. Ещё через четыре года в городе Магнитогорске отыскался дядя, к которому Николай и перебрался. Здесь он уже окончательно встал на ноги.

Отрывок из повести Виктора Гринимаера «Память»

ные из Ростовской области, Украины. Такие сбои в организации выселения в условиях военного времени вполне вероятны, но документально они не доказаны. Пока что не представляется возможным аргументированно объяснить расхождения в численности немцев и невыполнение сроков выселения. Возможно, что столь сбивчивая статистика – это результат использования несовершенной методики учета и спешки из-за сжатых сроков проведения выселения.

В проведении операции принимали участие сотрудники и войска НКВД, работники милиции (табл. 4).

Таблица 4
Распределение сил служб безопасности при проведении операции по выселению немцев Северного Кавказа³⁶

Регионы выселения	Сотрудники НКВД	Красноармейцы	Милиция
Орджоникидзевский край	250	2300	1000
Краснодарский край	100	2000	259
Кабардино-Балкарская АССР	50	300	200
Северо-Осетинская АССР	25	100	100

Перед началом операции оперативно-чеккистский состав получал установку действовать в соответствии с приказом Берия «...без шума и паники. В случае возникновения волюнок, антисоветских выступлений или столкновений принимать решительные меры к их ликвидации»³⁷. На перекрестках дорог выставлялись милицейские заслоны, вокруг селений – оцепление с целью воспрепятствовать выходу за пределы села и для задержания лиц, укрывающихся от переселения. Немцы-коммунисты предупреждали о снятии с партийного учета.

send Menschen waren in den Rayon der Stadt Ordschonikidse (Wladikawkas) geschickt worden. Die Ankommenden ließen sich vorzüglich auf dem Land nieder, wo sie bei der Ernte geholfen hatten.

Es lässt sich vermuten, dass in die Regionen Krasnodar und Ordschonikidse die aus dem Gebiet Rostow und der Ukraine deportierten Deutschen geraten waren. Solche Fehler bei der Organisation der Aussiedlung unter den Umständen der Kriegszeit sind durchaus möglich, aber dokumentarisch sind sie nicht bewiesen. Zurzeit ist es nicht möglich, die Abweichungen in der Anzahl der Deutschen und die Nichterfüllung von Aussiedlungsfristen argumentativ zu erklären. Vielleicht ist so eine verworrene Statistik das Ergebnis der Verwendung von einem nicht vollkommenen Erfassungsverfahren und der Eile wegen den kurzen Aussiedlungsfristen.

In der Operationsdurchführung haben die Mitarbeiter und Truppen des NKWD sowie die Milizarbeiter teilgenommen (siehe Tabelle Nr. 4).

Tabelle 4
Verteilung der Kräfte von Sicherheitsdiensten bei der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus³⁶

Aussiedlungsregionen	Mitarbeiter des NKWD	Rotarmisten	Miliz
Region Ordschonikidse	250	2300	1000
Region Krasnodar	100	2000	259
Die Kabardino-Balkarische ASSR	50	300	200
Die Nordossetische ASSR	25	100	100

Vor dem Operationsanfang hat die operative Tschekistentruppe die Ausrichtung erhalten, in Übereinstimmung mit dem Beschluss von Beria „... ohne Lärm und Panik. Im Falle von antisowjetischen Aktionen oder Auseinandersetzungen scharfe Maßnahmen zu deren Liquidierung treffen“ zu wirken.³⁷ Auf den Wegkreuzungen standen Miliz-Sperren, rund um die Siedlungen Absperrlinien, um den freien Ausgang außerhalb der Dörfer zu verhindern und um Personen

Die ethnische Identität ist keine intellektuelle Konstruktion, sondern ein aktuelles Erlebnis der historischen Erfahrung, Interpretation jener Ereignissen und Fakten, die das einmalige Schicksal des Volkes geprägt haben. Die junge Generation auf der Suche nach den eigenen Wurzeln kann nur dann mutig in die Zukunft blicken, wenn sie das Erbe, das sie von den Vorfahren bekommt, gedanklich verarbeitet. Um einen Russlanddeutschen zu sein, reicht nicht allein, sich den vom Außen bestimmten Stereotypen anzupassen – deutscher Herkunft zu sein, die deutsche Sprache zu beherrschen, evangelisch oder katholisch zu sein. Nötig ist sich des einmaligen Schicksals der Russlanddeutschen bewußt zu werden und es nicht als rudimentäre Tradition zu erleben, sondern als einen Faden, der Generationen verbindet.

Was hat unser Volk verbindet und gebildet? Meiner Meinung nach ist die Antwort eindeutig: Deportation des Jahres 1941. Sie hat Petersburger Deutsche, Wolgadeutsche, Kaukasusdeutsche und Sibiriendeutsche gemischt und ein neues Volk geschmiedet wurde – die Russlanddeutschen. Verrat beider Heimaten, Schock, Gruppentrauma, das sich in den Millionen einzelnen Fällen reproduziert wird, in jeder deutschen Familie. Können diese Schmerzen eine Grundlage für die positive Selbstidentifizierung der Jugendlichen dienen? Ich behaupte, dass ja, sie können und müssen! Zum Beispiel, ist das für das Tschetschenische oder Krimtatarische Volk genau ein Stiel für das Zusammenwirken der Generationen und Gruppenidentität.

Können wir die Schmerzen unserer Eltern vergessen, das, was unsere Vorfahren zum Opfer brachten? Wenn wir das vergessen, verlieren wir uns selbst. Unsere Kinder, die ihre Wurzeln nicht kennen, die die Standarte des Verhaltens in den Rahmen der heutigen BRD-Kultur suchen, die traurige Lieder, so wie „Karaganda – Frankfurt“, nicht mitsingen können – sie werden unsere Gedanken nicht verstehen, unsere Sehnsucht nach der verlorenen Heimat an der Wolga. Sie werden uns nicht verstehen. Bleiben sie dann Russlanddeutsche? Ich glaube nein. Um diese Gefahr zu vermeiden, muss man einfach den Eltern und Großeltern nach ihrem Leben fragen und sich an dieses einzigartige Erbe anschließen. Ein Russlanddeutsche zu sein bedeutet nicht das Europatum oder Deutschtum auf den russischen Boden zu bringen. Nein, man muss einfach sein Volk lieben, seine Geschichte hochachten und seine Tragödie miterleben. Der Russlanddeutsche ohne das innere Erlebnis der Spaltung zwischen Russland und Deutschland, ohne Gefühl, ein Teil dieses dramatischen Zusammenwirkens zu sein, ist kein Russlanddeutscher.

Vladislaw Kurske

Vladislaw Kurske (27 Jahre alt)

Им объявили, что они едут, чтобы обеспечить порядок выселения и расселения³⁸.

Оперативные группы, проводящие переселение, выступали из колхоза и района так, чтобы двигаться общей колонной оперативного участка. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава передавал один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, который отвечал за погрузку людей и имущества и отправление эшелонов по установленному графику. Начальники эшелонов принимали переселенцев от представителей НКВД по именному списку и проверяли их личные документы. Вещи принимались по описи³⁹.

После приема переселенцев начальник эшелона полностью отвечал за состояние эшелона и доставку всех принятых переселенцев к месту назначения. На должность начальника назначался командир конвойных войск НКВД. В помощь начальнику эшелона в каждом вагоне из числа переселенцев назначался старший вагона, на каждые 8–10 вагонов – старшина, и закреплялась группа военнослужащих войскового резерва⁴⁰.

Без разрешения начальника эшелона никто из вагонов из числа переселенцев выходить не мог. Нарушителей переводили в вагон-карцер на некоторое время или на весь путь. Проверка наличия переселенцев по вагонам производилась ежедневно. Об отставших от эшелона старшие вагона немедленно докладывали наблюдающему за группой вагонов военнослужащему, а тот – начальнику эшелона. Начальник эшелона сообщал данные о личности отставшего транспортным органам НКВД на первой же остановке для принятия соответствующих мер⁴¹.

Условия существования переселяемых немцев в пути не были тщательно продуманы. Крытые товарные вагоны, выделенные для перевозки людей, не были приспособлены для этого и не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. Скученность, антисанитарные условия, дефицит воды или ее плохое качество, нервное напряжение вызвали вспышку

zu fangen, die sich von der Umsiedlung verborgen hatten. Die Deutschen, die der kommunistischen Partei angehörten, wurden gewarnt, dass sie aus dem parteiamtlichen Register abgemeldet werden. Es wurde ihnen gesagt, dass sie mitfahren, um die Ordnung bei der Aussiedlung und Siedlung zu gewährleisten.³⁸

Operative Gruppen, die die Umsiedlung durchführten, traten aus den Kolchosen und Rayonen in einer Kolonne aus. Auf den Ladestationen übergab der Kolonnenobmann aus der Operativtruppe ein Exemplar der Listen dem Leiter der Ladestation, der für die Ladung von Menschen und Vermögen und für den fahrplanmäßigen Abgang von Militärzügen verantwortlich war. Die Leiter der Militärzüge übernahmen die Umsiedler von den Vertretern des NKWD laut den Namenslisten und prüften deren Personalpapiere. Die persönlichen Gegenstände nahm man gemäß dem Inhaltsverzeichnis auf.³⁹

Nach der Übernahme von Umsiedlern trug der Militärzugleiter die volle Verantwortung für den Zustand des Militärzuges und für die Anlieferung von allen übernommenen Umsiedlern zum Bestimmungsort. In die Dienststellung eines Leiters wurden Kommandeure der Begleittruppen des NKWD eingesetzt. Als Gehilfe des Militärzugleiters setzte man in jedem Wagen den Wagenältesten ein, für jede acht bis zehn Wagen war ein Obmann zuständig und man stellte eine Soldatengruppe aus der Armeereserve auf.⁴⁰

Ohne Erlaubnis des Militärzugleiters durfte keiner von den Umsiedlern aus den Wagen herausgehen. Die Verletzten wurden in die Arrestwagen für eine gewisse Zeit oder für den ganzen Weg überführt. Eine Anwesenheitsprüfung der Umsiedler fand täglich statt. Von den Nachzüglern teilten die Wagenältesten unverzüglich dem auf eine Gruppe der Wagen aufpassenden Militär mit, und er gab die Information weiter an den Militärzugleiter. Der Militärzugleiter teilte die Angaben des Nachzüglers den Transportorganen des NKWD beim nächsten Halt mit, zwecks der Ergreifung von entsprechenden Maßnahmen.⁴¹

Die Bedingungen der deutschen Umsiedler auf dem Weg waren nicht sorgfältig durchdacht. Die zugeordneten gedeckten Güterwagen waren für

Альфред Анзельм

Родился в 1933 г. в немецком селе Розенберг, Грузия. В октябре 1941 г. вместе с семьей депортирован в Казахстан, Павлодарскую область. После окончания десятилетки с отличием в 1954 г., поступил в Ташкентский Государственный педагогический институт иностранных языков на факультет немецкого языка, который окончил в 1959 г. с отличием. Свою преподавательскую деятельность начал в одной из сельских школ в качестве учителя немецкого языка, а потом и завуча. С 1968 года перешел на работу в Павлодарский Государственный педагогический институт, где и проработал, до выезда в Германию в 1994 г., старшим преподавателем на кафедре немецкого языка. Его первые литературные произведения впервые появились в газете „Deutsche Allgemeine“, позже в газете „Freundschaft“. Плодотворная литературная деятельность началась у Альфреда Анзельма уже в Германии, где он публикуется в различных органах печати.

«Ах, Воложка!», посвящается трудармейцам. (2002 г.)

... Ты помнишь ли, речка, как мы хоронили
От голода павших в работе подруг,
А ночью – бессонные – Бога молили,
Чтоб сил нам прибавил и бодрости дух.
.....
Как падали люди в пути до ночлега,
Как многим подняться уж не было сил...
Застывшие трупы под шапками снега,
Холмы неухоженных общих могил!

Из стихотворения «Вечная память» (Аморбах, 1998 г.)

С трудом оторвавшись от теплого тельца,
Охрипших от плача кровинок родных,
Они уходили с надорванным сердцем
Навстречу судьбе в темень лет роковых.
.....

И долгие годы им грезилась звуки
Отчаянья брошенных деток-сирот.
Беспомощно к небу простертые руки,
В нетопленных стенах голодные муки,
Отлаженной жизни развал и разброд.
Они умирали у бабушек хворых,
В тех семьях, где было до дюжины ртов,
В землянках нетопленных, в вырытых норах –
Без ропота. В тихом смиреньи. Без слов.

Отрывки из книги «На ветке времени. Путь к Кресту» (2004)

.... А матери где-то в снегах умирали
Со стоном прощальным любви на устах
И часто лишь волею к жизни вставали....
За кругом Полярным – в цинготных местах.
И стали для Эммы, Марии да Иды
Привычными шахты и лесоповал...
Шел лес на костях этих женщин для сплава,
И домны кормились их трудной рудой!
Но их обходили награды и слава,
А сколько же их не вернулось домой?
Простите им, дети! Простите им, внуки,
Что петь колыбельную вам не могли,
Что ветры им пели о вечной разлуке,
Когда вы с котомками по миру шли!
У памяти – вечность! У памяти – нити,
Ведущие к старым могильным холмам.
К ним в мыслях своих на свиданье спешите,
В их память пред ними колени склоните:
Молитесь за всех невернувшихся мам!

* * *

O Rosenberg! O meiner Väter Wiege!
Verwaist und leer sind heute deine Gassen,
In denen die Erinnerungen liegen,
In die die Trauer meines Herzens passen.
Du bist mir näher in den deutschen Bergen,
Wo ich die Heimat wieder hab gefunden.
Da muss ich meine Wurzeln nicht verbergen –
Mit ihnen bin ich wieder eng verbunden.

желудочно-кишечных, простудных и других инфекционных заболеваний. Официальная статистика случаев летальных исходов не обнаружена, но по свидетельствам самих выселяемых таковые имели место.

В результате несогласованности действий начальников станций и эшелонов, организационных просчетов наиболее типичным происшествием было отставание людей от своих эшелонов. При этом отставшие не всегда присоединялись к своим эшелонам, где находились их родственники. Их могли отправить другим эшелонам в иной пункт следования, и только после войны семьи получали возможность соединиться⁴².

Часть немцев Северного Кавказа выселялась в Новосибирскую область (9 450 немцев из Ростовской области и Краснодарского края), но основная масса была расселена в Казахской ССР: Алма-Атинской (немцы КБ АССР и СО АССР), Акмолинской, Карагандинской, Кустанайской, Семипалатинской, Северо-Казахстанской, Джамбульской, Южно-Казахстанской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Кызыл-Ординской областях. Немцы Орджоникидзевского края, Дагестанской, Чечено-Ингушской АССР и подавляющее большинство немцев Краснодарского края и Ростовской области оказались в местах, неблагоприятных для жизни. Здесь их ожидали новые тяжелые испытания⁴³.

Переселение проводилось вопреки здравому смыслу, так как само государство понесло огромные экономические потери. Примитивная организация акций по выселению потребовала огромных средств, кроме того, опустошенные колонии на территории Северного Кавказа не были вовсе заселены или же долгое время оставались незаселенными. В течение нескольких месяцев во многих районах колхозное и личное имущество было брошено без присмотра. Здесь шло откровенное мародерство. Так, в Орджоникидзевском крае, который до депортации занимал первое место по численности немецко-

die Transportierung von Menschen nicht geeignet und entsprachen nicht den Sanitäreanforderungen. Überbelegung, sanitärwidrige Bedingungen, Wassermangel oder schlechte Wasserqualität, durch nervliche Anspannung bedingte Darmerkrankungen, Erkältungserkrankungen und andere Infektionskrankheiten waren die Folge. Die offizielle Statistik nennt keine Todesfälle, doch nach Zeugnissen der Umsiedler kamen solche Fälle vor.

Infolge der Missstimmung der Aktionen von Leitern der Ladestationen und Militärzüge und infolge von Organisationsfehlern kam am häufigsten das Zurückbleiben der Menschen von seinen Militärzügen. Dabei schlossen sich die Nachzügler nicht immer an ihre Züge, wo ihre Verwandten waren, an. Sie konnten mit anderen Militärzügen zu einem anderen Bestimmungsort geschickt werden und nur nach dem Kriegsende bekamen sie die Möglichkeit, sich zusammenzuführen.⁴²

Ein Teil der Deutschen aus dem Nordkaukasus siedelte ins Gebiet Nowosibirsk (9.450 Deutschen aus dem Gebiet Rostow und der Region Krasnodar) über. Doch die meisten waren in der Kasachischen SSR verteilt: die Gebiete Alma-Ata (Deutsche aus der Kabardino-Balkarischen ASSR und Nordossetischen ASSR), Akmolinsk, Karaganda, Kustanai, Semipalatinsk, Nordkasachstan, Schambyl, Südkasachstan, Pawlodar, Ostkasachstan und Qysylorda. Die Deutschen der Region Ordschonikidse, der Dagestanischen ASSR, der Tschetscheno-Inguschischer ASSR und die überwiegende Mehrheit der Deutschen aus der Region Krasnodar und des Gebiets Rostow gerieten sich in lebensungünstige Orte. Hier erwarteten sie neue schwere Prüfungen.

Die Umsiedlung wurde dem gesunden Menschenverstand zuwider durchgeführt, da der Staat selbst große wirtschaftliche Verluste erlitt. Die primitive Organisation von Aussiedlungsaktionen forderte die Aufwendung von kolossalen Mitteln, außerdem wurden die verwüsteten Kolonien auf dem Territorium des Nordkaukasus gar nicht besiedelt oder blieben lange Zeit unbesiedelt. Das Kolchos- und Privatvermögen wurde während einiger Monate in vielen Rayons ohne Aufsicht verlassen. Hier herrschte offene Plünderung. So in der Region Ordschonikidse, die vor der Deportation den ersten Platz bezüglich

За две недели до выселения немцев из села Грюнфельд, узнали мои родители от младшего брата моего отца, Герберта Венкелера, что поволжских немцев всех выселили. Узнал он об этом во время командировки в Баку от коллеги, служащего банка: Венкелер и сам работал в районном банке главным бухгалтером. Официальных источников по этому поводу нигде не было. Стало очевидно, что такая же участь ждет всех немцев. И действительно, 17 октября 1941 года районные партийные органы объявили о поголовном выселении всех. Куда? Почему? Эти вопросы оставались без ответа. Три дня на подготовку и 25 кг багажа на чело- века – таков приказ властей. К тому же сдать нужно было коров, дом, собранный урожай. Взамен выдавали квитанцию, якобы для возмещения убытков по прибытию на новое место жительства. Эта квитанция до сих пор хранится у меня в семейном архиве и является оче- редным доказательством обмана властей. Пока папа бегал в сельский совет оформлять доку- менты, мама взяла на себя все хлопоты по приготовлению провианта в дорогу. Закололи свинью, перерубили кур, мама напекла хлеба и засушила сухарей. Прожаренное мясо укла- дывалось в ведра и заливалось жиром. Родители задавались вопросом: куда девать нажи- тое имущество. Продать? Покупатели не находились. Раздарить? Нашлись такие, которые захотели взять. Причем, кто первый приходил, имел возможность выбрать. Спросом поль- зовались посудные сервизы, оконные шторы, мебель, одежда и постельное белье. Мне, как ребёнку, запомнился последний совместный ужин в большом новом доме дедушки. Собрались семьями – семьи двух братьев и сестра отца. Запомнился горячий, душистый чай с молоком. Запах этого вкусного чая преследовал меня потом все голодные годы моего детства. Ночью въехали во двор пустые телеги, по одной на семью. Посадили меня и брата на одну, а остав- шееся место загрузили нашими пожитками. Из-за нехватки места пришлось кое-какие узлы оставить. Хотелось взять мне с собой и моего любимого котенка. Но было нельзя. Долгие годы он приходил ко мне во снах. Путь наш лежал до железнодорожной станции Акстафа. Выяс- нилось, что в колонне не досчитались одной семьи. Пришлось отцу вернуться и узнать в чем дело. То, что он увидел, потрясло его. Родное ухоженное село было оцеплено вооруженными солдатами. Гробовая тишина на пустынных, темных улицах, темные окна без штор, в некото- рых горел еще свет. На улицах бродили собаки в поисках своих хозяев. Переночевали на пер- роне вокзала. Утром подали вагоны. Путь лежал в Баку, к Каспийскому морю.

Из воспоминаний Аделины Лоренц и ее родителей Эгона и Софии Венкелер, жителей села Грюнфельд Азербайджанской ССР. Аделине было 4 годика, когда ей пришлось покинуть родное село.

Аделина Лоренц

го населения на Северном Кавказе, до конца января 1942 г. не был проведен учет оставленного имущества, не были уточнены выполнения обязательств ликвидированных колхозов перед государством, счета по полученным банковским ссудам, налоговым и другим платежам.

24 января 1942 г. секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М.А. Суслов издал особое распоряжение в адрес крайисполкома, в котором потребовал обеспечить должную сохранность всего оставленного имущества и разработать проект заселения земель и использования имущества бывших немецких колонистов. Это подтверждало формальность приемки имущества при выселении. Определив предельно сжатые сроки проведения повторной инвентаризации оставленного имущества, Суслов требовал выявления фактов расхищения или разбазаривания имущества и привлечения виновных к ответственности⁴⁴.

Сохранность имущества была обеспечена только в случаях близкого расположения оставленной немецкой колонии от русского поселения или же в случаях вхождения немецкого хутора как отдельной бригады в состав колхоза, а также при создании подсобных хозяйств советских учреждений городов Ворошиловска (Ставрополя), Кавминвод и других на базе ликвидированных немецких.

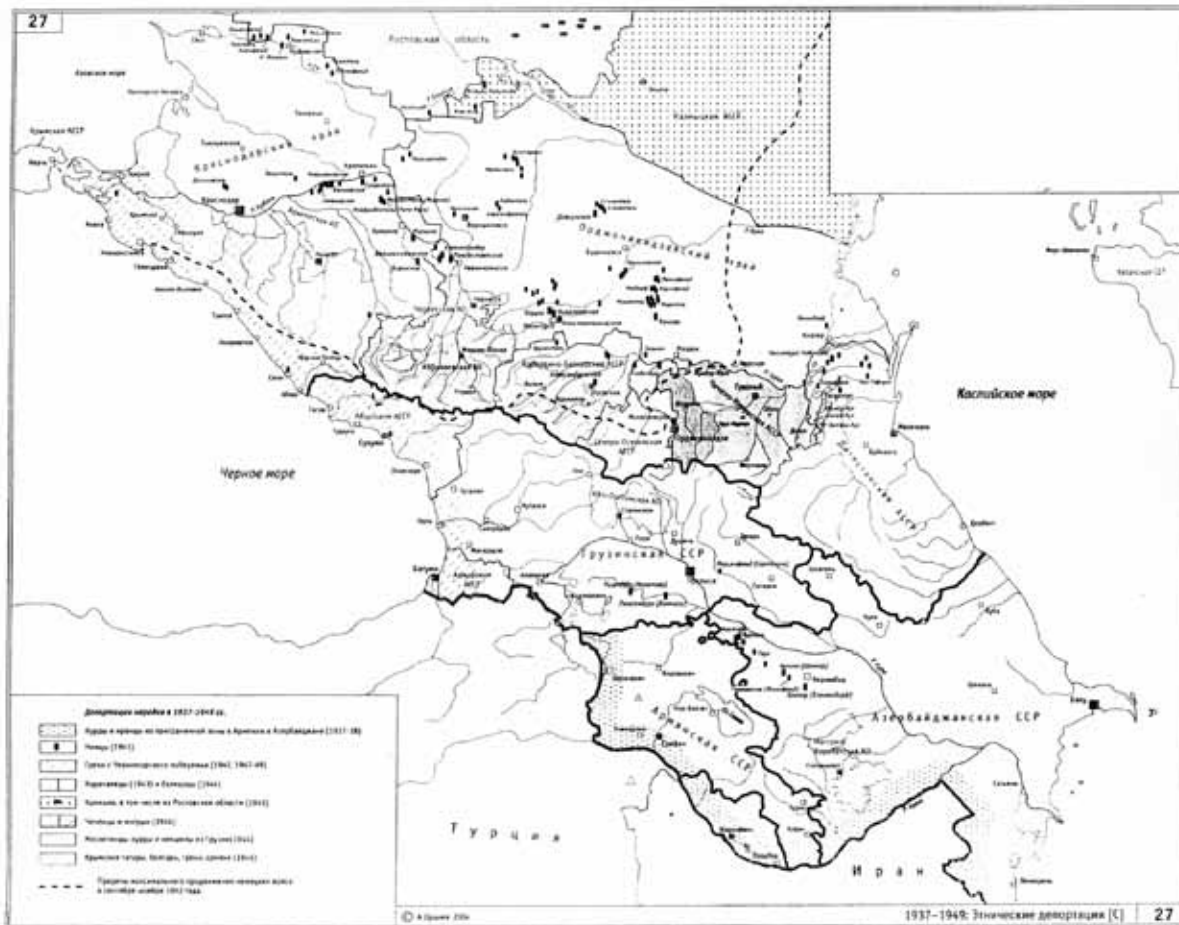
Переселение использовалось как превентивная мера за возможное предательство, а по сути – за принадлежность к немецкой национальности, этническое родство с Германией. Депортация существенно подорвала экономический потенциал северокавказского региона. Выдвинутые против этнических немцев необоснованные обвинения в сотрудничестве с нацистами явились причиной оформления негативной эмоциональной окраски стереотипа российских немцев. Мифологема «немец – значит фашист» не исчезла окончательно из общественного сознания до нынешнего времени.

der Zahl der deutschen Bevölkerung im Nordkaukasus belegte, wurde bis Ende 1942 das verlassene Vermögen nicht inventarisiert, die Erfüllung von Verbindlichkeiten der liquidierten Kolchose vor dem Staat, Konten gemäß den erhaltenen Bankdarlehen, als auch Steuerzahlungen und andere Zahlungen nicht präzisiert.

Am 24. Januar 1942 erließ der Sekretär des Regionskomitees Ordschonikidse der Kommunistischen Partei der Sowjetunion M.A. Suslow eine Sonderanordnung ans Rayonexekutivkomitee. Er verlangte eine gehörige Sicherheit von allen zurückgelassenen Vermögen zu gewährleisten und den Entwurf der Besiedelung des Landes und der Verwendung des Vermögens von ehemaligen deutschen Ansiedlern zu erstellen. Das bestätigte die Formalität der Vermögensübernahme bei der Aussiedlung. Nachdem die zulässig kurzen Fristen der Durchführung der wiederholten Inventur des zurückgelassenen Vermögens festgestellt wurden, verlangte Suslow, die Tatsachen der Vermögensveruntreuung oder -vergeudung zu enthüllen und schuldige Personen zur Verantwortung zu ziehen.

Die Sicherheit des Vermögens wurde nur dann gewährleistet, wenn die verlassene deutsche Kolonie nah bei der russischen Siedlung lag oder wenn das deutsche Einzelgehöft als einzelne Brigade zum Kolchos gehörte sowie bei Bildung von Hauswirtschaften der sowjetischen Institutionen der Städte Woroschilowsk (Stawropol), Kawminwody und anderen Städten auf Grundlage der liquidierten deutschen Wirtschaften.

Die Umsiedlung wurde als Präventivmaßnahme für möglichen Verrat und im Grunde genommen für Angehörigkeit zur deutschen Nationalität, für die ethnische Verwandtschaft mit Deutschland verwendet. Die Deportation ruinierte im Wesentlichen das ökonomische Potential der nordkaukasischen Region. Die gegen ethnische Deutsche unbegründet erhobenen Anklagen wegen der Zusammenarbeit mit Nazis verursachten die Gestaltung der negativen emotionalen Stereotypsfärbung von Russlanddeutschen. Das Vorurteil „Der Deutsche ist ein Faschist“ verschwindet bis auf den heutigen Tag nicht endgültig aus dem gesellschaftlichen Bewusstsein.

Deportation
der Kaukasiendeutschen 1941.
Karte Quelle: Zuziew A.A. Atlas
der ethnopolitischen Geschichte
Kaukasus (1774–2004).
Moskau, 2006

„Das bestrafte Volk“ – die Deutschen sollten der erste Stein einer Lawine der Repressionen aufgrund von Herkunftsmerkmalen werden. Ihr Schicksal und das der anderen „Völker aus den Zügen“, die während des II. Weltkrieges aus dem Kaukasus ins Landesinnere übersiedelt wurden, ähnelten sich. Typisch für die deutschen Schwaben war ihr Gepäck: Zusammengerollte persische Teppiche, Bettwäsche, Decken und Matratzen, Sommer- und Winterkleidung, Geschirr, Werkzeuge, Lebensmittelvorräte, bei einigen wenigen auch deutsche Nähmaschinen „Singer“ – für viele entpuppten sie sich als eine wahre Überlebenshilfe – gehörten für die meisten mit auf die Reise. Bereitgestellte Autos und Pferdewagen für die Fahrt zu den Bahnhöfen erleichterten den Transport deutlich. In Baku war die Verladung der schweren Gepäckstücke auf die Schiffe organisiert. Die Abmessungen des Gepäcks überschritten oft die vom NKWD erlaubten. Am 22. Oktober wurde an das NKWD Tbilisi von Baku aus ein Telegramm gesendet mit der Bitte, Mitnahme von Sperrgut zu verbieten (neben üblichen Haushaltsgegenständen befanden sich im Gepäck Betten, Sofas, Stühle und Weinfässer). Ein weiteres Telegramm verließ Baku am 23. Oktober, darin teilte man mit, die Gepäckstücke seien teilweise immer noch zu groß, man erwarte konsequente Durchsetzung der verabschiedeten Richtlinie für Gepäckmitnahme (500 kg pro Person, kein Sperrgut).